

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Одна из нас
лишняя*

ТЕЛЕОБРАТИМ
ЕО

2000

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Одна из нас лишняя

«Научная книга»

Серова М. С.

Одна из нас лишняя / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

С некоторых пор семье преуспевающих архитекторов Овчаренко начали угрожать. И когда однажды хриплый бас пригрозил, что прежде всего не поздоровится их сыну, предприниматели наняли для Никиты телохранителя Евгению Охотникову. Когда Юрий Овчаренко не вернулся из командировки в Софию, Жене пришлось совместить обязанности бодигарда с работой частного сыщика. Ведь вместе с ним исчезли и четыреста тысяч долларов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Одна из нас лишняя

Глава 1

Не знаю, откуда во мне это триумфально-бесшабашное чувство, что со мной не может случиться ничего ужасного. Это ощущение высшей защищенности не имеет ничего общего с присущим рядовому обывателю самоуспокоенностью и в некоторой степени равнодушию. Наоборот, это чувство подстегивает меня, выбрасывая в мою кровь лошадиные дозы адреналина.

Оно подобно прямому и повелительному взгляду конкистадора, а новый берег для него – мой сумасшедший полет на «Кавасаки». Даже то обстоятельство, что за штурвалом этого «летательного» аппарата сидит юнец с высокомерными замашками гения при богатых родителях, не отменяет его, причудливым образом сливаясь с самозабвенным упоением бешеной скоростью. Я отдаюсь этому чувству, как отдаются в любви: легко, свободно, сладострастно...

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не захохотать навстречу дикому ветру, который с каким-то яростным заигрыванием треплет мои выбивающиеся из-под шлема пряди волос. Я знаю, что будет, если я открою рот: он ворвется в гортань, забьет ее пыльным, вихрящимся клубком сумасшедшей щекотки.

Так уже было, когда я пыталась что-то сказать Никите. Он слегка повернул голову, бросая клич: «В город!» Подхваченное ветром слово со всей силой ударилось о мое лицо, а когда я хотела ответить и разомкнула губы, порывистый зонд всклокоченного воздуха проник, казалось, до самого живота, взрыхлил внутренности и, снова поднявшись к гортани, подобно пламени из драконовой пасти, вырвался наружу. И вот, грубо насмехаясь над моей оторопью, умчался прочь. Он не преминул пару раз со всего размаха хлестнуть меня по плечам, покрываясь за спиной и чиркнуть своим пронзительным смешком по ватной глухоте жаркого полдня.

Дорогая игрушка – этот «Кавасаки», ведь стоит он не меньше десяти тысяч зеленых! На эти бабки можно было бы купить двухкомнатную квартиру в центре или, скажем, совершить пару круизов, купить отличную иномарку, раз пять выехать за рубеж, оплатив возможность выгодного по нашим меркам трудоустройства, и так далее и тому подобное.

Но Никита раскрутил своих родителей на мотоцикл... Быстрый, легкий, юркий, маневренный, одним словом, марки «Зефир». Не спорю, кому-то по душе прославленно-маститый грузный «Харлей». Ну, вспомните хотя бы фильм «За гранью закона» с Чарли Шином в главной роли. Черда байкеров на своих тяжеловатых «Харлеях» бороздит просторы какого-нибудь Техаса или Оклахомы. Живописная картина! Многие из обладателей «Харлеев» напоминают пивные баки, они уже не молоды, бородачи, эдакие байкеры-пенсионеры. С деловитой нетопливостью опускают они свои тучные чресла на сиденья «Харлеев».

Не знаю, но почему-то в моем сознании «Девидсон» ассоциируется именно с такими солидными, бесстрастно-улыбчивыми байкерами, многие из которых в нынешнее время мирно трудятся в конторах и на предприятиях. А мотоцикл для них – возможность тряхнуть старинной, глотнуть вольного пыльного воздуха прерий, хоть на один уик-энд снова почувствовать себя молодыми, полными надежд и скоростного натиска.

«Зефир» по сравнению с «Харлеем» – ласточка, мошка, пушинка. Простой дизайн, изящество высшей пробы, черно-белая классика, увертливость и какая-то дьявольская неуязвимость. Мы проносимся мимо поблескивающих на солнце корпусов авто, которые кажутся едва ли не броневиками. Ощущение полета не покидает меня. Никита в восторге.

Мне симпатичен этот милый, хотя, на первый взгляд, самонадеянный и вздорный паренек, родители которого – владельцы крутой архитектурной фирмы – наняли меня его телохранителем.

Долговязый, утонченный, несмотря на юношескую угловатость, задиристо-бесшабашный, с густыми светлыми непокорными волосами и повадками Артюра Рембо, Никита – довольно странное, но обаятельное существо. Из этого существа – безотносительно к вызывающей резкости его поведения и сарказму – прет оголтелая романтика. И «Кавасаки» вне всякого сомнения – дань ей, родимой, замешанной на патетике и юморе.

– Жрать хочется, – на миг перекрывая рев мотора, орет Никита и захлебывается смехом.

– Домой? – так же весело спрашиваю я, вернее, не спрашиваю, а выталкиваю из рта слова, хрипя и проглатывая очередной клуб сухой горячей пыли.

– К черту! – кричит Никита. – Давай в «Тотем»!

– О`кей.

С Никитой я сошлась не сразу: потребовалось, по крайней мере, две недели, чтобы этот избалованный и насмешливый малый стал прислушиваться к моим советам и доверять мне. Вначале он видел во мне только надоедливую няньку, нанятую неизвестно зачем его отцом. Никита учился в художественном училище, но большую часть времени проводил на «колесах» или в молодежных кафе. Полгода назад он плотно сошелся с местными байкерами. Его отношения с ними были далеко не гладкими. Разногласия носили социальный и любовно-личный характер. У Никиты водились довольно крупные карманные деньги, он был отлично экипирован, мог позволить себе любой прикид, практически любой досуг. И хотя он не был ни скупердяем, ни снобом, это не спасло его от зависти доморощенных байкеров, многие из которых, несмотря на более солидный возраст, не могли соперничать с Никитой ни мотоциклом, ни одеждой.

Второй причиной размолвок и разного рода недоразумений было увлечение Никиты девушкой предводителя местной байкерской ветви. Ее звали Вероникой, сокращенно – Никой. Созвучия в именах обоих моему подопечному было вполне достаточно, чтобы вообразить, что их альянс предусмотрен волей небес.

Ухаживания Никиты, подогреваемые кокетством Вероники, повлекли за собой ряд стычек и разборок, он едва не стал персоной нон грата в байкерской среде.

Два месяца назад Никита порвал со своей любовью, чем спас свое положение. Разочаровался ли он в предмете своей страсти или просто заскучал, я не знаю. Семнадцать лет – возраст, когда человек за неделю проживает и переживает столько, сколько взрослому человеку и не снилось!

Это, конечно, не относится ко мне – моя работа не дает мне скучать, и хотя я на десять лет старше Никиты, понимаю его лучше, чем своих, зачастую обремененных тривиальными семейными заботами, сверстников.

На стенах комнаты Никиты по-прежнему висят портреты юной темноволосой красавицы, но он, как мне кажется, все меньше обращает на них внимания. И то обстоятельство, что он не снял их, не разорвал в сердцах, не сжег, не спустил в унитаз клочки размазанной холстины, доказывает, что Никита сам охладел к своей байкерской мадонне.

Родители Никиты – деловые, увлеченные люди. Поднявшись на торговле всевозможными лекарственными средствами, они создали свое собственное предприятие, где могли развернуть деятельность, отвечающую их профессиональным амбициям и планам. Оба архитекторы, они строго разделили сферу деятельности: отец Никиты, Овчаренко Юрий Анатольевич, будучи генератором идей, ведал теоретической частью; Людмила Григорьевна же, официально числясь генеральным директором «Стилобата», занималась практической стороной предприятия – решала организационные, финансовые и кадровые вопросы.

Мать Никиты являла собой образец современной женщины: умная, энергичная, волевая, целеустремленная. Был, правда, в ее поведении и суждениях, о которых мне доводилось слышать из уст Никиты, оттенок нравственного безразличия, но в ее внешности не было ничего претенциозного или вызывающего.

Выше среднего роста, стройная, подтянутая и моложавая, она носила эффектную короткую стрижку, изящные костюмы, минимум украшений и шикарные солнцезащитные очки. Успев уже побывать на юге, Людмила Григорьевна щеголяла ровным загаром, что очень шло к ее выкрашенным в «платину» волосам. Она разъезжала на белом «Крайслере-Саратога», обдавая водителей «Жигулей» и пешеходов полупрезрительным-полунасмешливым взглядом. Синие глаза Людмилы Григорьевны излучали превосходство и жизненный азарт. Она в немалых количествах поглощала морскую капусту, крабов и витамины.

Юрий Анатольевич не отличался ни внешней привлекательностью, ни изысканностью в одежде. В его русоволосой голове теснились архитектурные проекты и расчеты, он вечно ходил с каким-то растерянно-отсутствующим видом, что было причиной плохо скрытого недовольства и насмешек со стороны его дражайшей половины.

Тон в семье задавала Людмила Григорьевна: она была и душой дома, и дамочным мечом для кухарки и домработницы.

Жила семья Овчаренко в двухэтажном облицованном ракушечником особняке, что на улице Провиантской. Их дом был объектом пристального внимания со стороны всей округи. Хобби соседей Овчаренко заключалось в бесконечных подсчетах и прикидках на предмет того, во сколько им обошелся участок под дом, сам дом, две машины и, наконец, Никиткин мотоцикл.

Семейство спокойно игнорировало забавы, которыми тешили себя праздные умы соседей, продолжая благоденствовать и богатеть.

Все бы хорошо, если бы не начавшиеся угрозы в адрес Юрия Анатольевича и Людмилы Григорьевны. Запугивания пока носили профилактически-пропедевтический характер. Присушие семье Овчаренко здравый смысл, оптимизм и устремленность позволяли им скептически, почти недоверчиво смотреть на эти угрозы. Но когда сиплый бас в телефонной трубке пригрозил, что прежде всего не поздоровится Никите, Овчаренко сочли необходимым нанять для непоседливого сына телохранителя и обратились ко мне.

* * *

В подвальчике «Тотема» царила вожаденная прохлада. Кондиционер работал вовсю. Припарковав своего «крылатого» друга и приняв у меня шлем, Никита ловко сбежал по ступенькам. Я следовала за ним как тень, вернее не за ним, а параллельно с ним, касаясь его плечом. Заказав несколько сандвичей и пиво, мы уселись в сторонке.

Надо заметить, я сменила имидж. Умение перевоплощаться – мой конек, скажу без ложной скромности. В моем гардеробе появился джинсовый жилет (очень удобная штука, под которой можно спрятать наплечную кобуру с пистолетом) со множеством карманов, где без труда размещаются прибабасы бодигарда, всевозможные кожаные и замшевые аксессуары, цепочки, брелоки и всякая подобная мишура. Мы договорились с Никитой, что я буду играть роль «его девушки». К чему лишние разговоры о телохранителях? В общем, к концу первой недели я чувствовала себя тайным агентом бодигардовского дела, упиваясь этой неожиданной метаморфозой.

Мы уже допивали пиво (безалкогольный «Хольстейн»), когда сквозь приоткрытую дверь «Тотема» я услышала рокот моторов.

– Это Поручик, – невозмутимо прокомментировал Никита, запуская пятерню в золотой колтун волос. По его лицу продолжал струиться пот, несмотря на то, что мы уже полчаса насла-

ждались подземной прохладой этого причудливого заведения, которое содержал некий Шнайдер – мастер тату и боди-арта.

«Боди-арт – бодигард», – вертелось у меня в мозгу.

– У тебя здесь встреча с ним? – поинтересовалась я на правах «девушки».

– Мы в любом случае сегодня у Консы с ним встречаемся.

«Конса» на аргю байкеров и прочей «интеллигенции» означает «консерватория». У ее священных собиновских стен берет свое начало ежевечерняя тусовка байкеров, которые, обменявшись самой срочной информацией, поцелуями и другими атрибутами пресловутого человеческого общения, сговариваются о маршруте предстоящей поездки по городу и его окрестностям.

«Тотем» был излюбленным местом отдыха местных поклонников мотоциклов. Поэтому не было причины удивляться, что на его пороге рано или поздно появлялся какой-нибудь взмыленный байкер.

– Кого я ви-ижу! – воскликнул входящий в кафе детина с проколотыми ухом и бровью.

Несмотря на палящий зной, на нем была «харлейка», надетая прямо на голое тело, и кожаные штаны в обтяжку. На шее болтались всевозможные цепи с массивными кулонами в форме черепов и бивней. Я не раз видела этого байкера, это и был тот знаменитый вождь, у которого Никита чуть не увел Веронику.

– Хай! – натянуто улыбнулся Никита, теребя вставленное в ухо серебряное колечко.

Криво ухмыльнувшись, парень плюхнулся на стул рядом с нашим столиком. Его голый с боков череп перерастал в гигантский черный гребень, начинавшийся надо лбом и шедший через темя к затылку.

– Хелло-о-оу, – с притворным жеманством протянул он, взглянув на меня узкими лукавыми глазами.

– Хай, – спокойно отозвалась я, мысленно посылая его к черту.

– Ты один? – удивленно произнес Никита.

– Лапоть с Сэмом на подходе, отлить пошли – у Шнайдера тут сортира нет, – Поручик загоготал.

– Кать, еще пива, три бутылки! – обратился Никита к симпатичной шатенке за стойкой.

– Да выключи ты эту дребедень! – грубо крикнул девушке Поручик.

По залу разливался нежный салонный панк «Дюран-Дюран».

– Ну, Морозов ты наш, ты что же, только три бутылки спонсировать сегодня можешь? – спросил он с вызовом.

– А ты что, – на его же манер ответил Поручику Никита, – цистерной не побрезгуешь?

– Не зарывайся, а то я не посмотрю, что ты с дамой, – Поручик с ехидной усмешкой вновь скосил на меня свои монгольские глаза.

– Слушай, Поручик, шел бы ты, отдыхал до вечера, – беззаботным тоном произнесла я, смерив его коротким презрительным взглядом, – или у тебя дел больше нет, как к мирным гражданам приставать?

– Где ты нашел эту старушку? – Поручик вопросительно посмотрел на Никиту, а потом снисходительно – на меня.

– Не твое дело, пиво бери.

Девушка в кокетливом белом переднике поверх джинсов принесла на подносе три открытые бутылки «Туборга».

– Thank you, – манерно прогнусавил Поручик, окидывая официантку плотоядным взглядом, – за что пьем? А, – повернулся он к входной двери, – вот и наши grenадеры!

На пороге возник коренастый белобрысый парень в простой белой футболке, но весь пропирсингованный. Казалось, потертая ткань его черных джинсов вот-вот лопнет, уступив напору мускулистых ляжек. Его обветренное лицо с коротким носом и пухлым слюняво-ярким

ртом, оттененным над верхней губой светлыми волосками, хранило печать простонародной наивности и какого-то трагического недопонимания.

– Это Лапоть, – констатировала я.

Его товарищ был не ниже метра восьмидесяти, стройный загорелый шатен с длинными волнистыми волосами и смазливой физиономией бисексуала. Я знала, что его кличка – Сэм. Байкерскую амуницию Сэма, не считая серег, цепей и браслетов, составлял рыжий замшевый жилет на голое тело, светло-кофейные джинсы и коричневые «мексиканцы».

– Давай сюда, – махнул им рукой Поручик.

Усевшись за наш столик, который явно переставал быть «нашим», вновь вошедшие накиннулись на пиво.

В кафе теперь во всю мощь ударных тарыхтел тяжелый рок. Душераздирающий фальцет, казалось, соревновался с пронзительным воем электрогитары.

– Вот это дело, – причмокнул Поручик.

– А по мне лучше «Гансов» ничего нет, клево режут! – поделился своими музыкальными пристрастиями Сэм.

– А ты от чего тащишься, вундер? – обратился Поручик к Никите. – Небось от этого Питера-пидера?

– Ты Габриэла имеешь в виду? – полюбопытствовал Лапоть.

– Ага, анахорета этого гребаного... – ухмыльнулся Поручик.

– От Питера, только не Габриэла, а Хеммила, – с достоинством ответил Никита.

– Чего-чего? – Поручик приоткрыл рот.

– Отверженного интеллектуала, певца и композитора-экспериментатора, – глядя в черные глаза Поручика, спокойно пояснила я.

Несколько дней мы только и делали с Никитой, что промывали косточки этому самому Хеммилу.

– Он вначале группу организовал «Ван дер грааф дженерейтер», – благодарно посмотрев на меня, подхватил Никита, – прогрессивный рок исполняла. А теперь Хеммил сидит в своей студии «Софа саунд студио» и что ни день – экспериментирует.

На губах Никиты заиграла хитрая улыбочка.

– Не гни из себя невесть что, – предупредил Поручик, со значением переводя взгляд с наших с Никитой лиц на озадаченную физиономию Лаптя, – ты мне лучше скажи, какого хрена ты опять к Нике клеишь?

В голосе Поручика проклюнулась угроза.

– Ты че, рехнулся?! – Никита удивленно округлил глаза. – Кто тебе эту лажу...

– Она и сказала, – не дал Никите договорить возмущенный Поручик, – или ты не с ней вчера вечером катался?

– Я-а? – Никита привстал.

– Такой тачки, как у тебя, во всем Тарасове больше нет, – продолжал настаивать Поручик.

Вчера, действительно, весь вечер я промаялась дома, перед телевизором. Юрий Анатольевич отпустил меня, заверив, что Никита будет сидеть дома. Он обещал связаться со мной по сотовому, если вдруг срочно понадобится мое присутствие. Что же это, неужели Поручик говорит правду? Неужели, плюнув на личную безопасность, вверенный моим заботам недоросль катался с Никой на своем «Зефире»?

Я отдавала отчет в том, что Никита обладал несомненным артистическим талантом и соврать ему не составит особого труда. А я-то, наивная, думала, что установила с ним доверительные отношения! К тому же положение «девушки» Никиты требовало принять срочные меры для восстановления своего пошатнувшегося достоинства. Я решила тоже поиграть...

– Это правда?! – теперь уже я вытаращила глаза.

Никита непонимающе посмотрел на меня.

– Что ты молчишь? – Я встала из-за стола, мечая глазами убийственные молнии. Вся компания с интересом воззрилась на меня.

– Ну, че ты? В рот воды, что ли, набрал? – поддержал меня в моем ревнивом негодовании Поручик. – Ты не смотри, – обратился он ко мне, – что он у нас на ангелочка похож, только крылышек не хватает, с ним ухо остро держать надо! Чуть отвернулся – бац! – он тебе уже подножку подставил.

– Не пойму я тебя, Кит, ты че, пакостить – по кайфу, что ли? – спросил Лапоть, поднимая свои по-детски ясные глаза на Никиту.

Видя, что Кит набычился и что Поручик сказал правду, я решила свернуть свое актерство, но мой подопечный меня опередил.

– Да пошли вы все! – Он резко встал из-за стола и быстрым шагом направился к выходу. Забыв о раненой гордости, я кинулась за ним. На ступеньках я его тормознула.

– Какого черта ты вчера выходил?

– Какого черта тебе от меня нужно?! – Никита смотрел на меня с ненавистью.

– Я же о твоём благе радею! – я продолжала держать его за руку, которую он безуспешно пытался вырвать.

– О бабках ты радеешь! – Презрительно процедил он, как-то горько улыбнувшись.

– Значит, вернемся к началу? Помнишь, какие ты истерики закатывал? Я думала, ты мужик, а ты...

В глазах Никиты я увидела слезы бессилия и злобы.

– Оставь меня в покое, что хочу, то и делаю! И не забывай, кто ты!

– Ах, вот мы какие, с гонором! – почти ласково сказала я. Мой мягкий голос в данных обстоятельствах, очевидно, прозвучал как-то издевательски, потому что Никита как сумасшедший забился в моих объятиях, пытаясь освободиться от моих рук. – Ну! – Я с силой тряхнула его, а потом прижала к стене. – Брось истериковать! Нравится тебе Вероника – так и скажи, чего комедию ломать?

– Это не твоё дело! – завопил Никита.

– Не ори. Поехали домой. Я дождусь твоего отца, сдам тебя ему и...

– Что и?..

– Получу расчет, – твердо сказала я, – ты ведь сам сказал, что я, в первую очередь, о деньгах думаю.

– Ладно, извини, – Никита отвернулся к стене и затрясся от рыданий.

– Что такое? Мне-то ты можешь доверять на все сто!

– Ты не поймешь!

– Безответная любовь? Покаталась с тобой девочка, а потом говорит: ой, как с тобой здорово, только я другого люблю?

– Да не любит она его!

– А ты откуда знаешь?

– Она боится его! По всему видно.

– Так она что же, спит с ним?

– Не знаю! – нервно огрызнулся Кит.

– Может, она мазохистка? – довольно цинично предположила я.

– Какого черта ты мне это говоришь?

– Такого. Имей гордость!

– Много ты в этом понимаешь! – Никита всхлипнул и снова разрыдался.

Я принялась гладить и похлопывать его по спине. Ну, прямо мамаша или старшая сестра!

И вот тут случилось неожиданное. Повернувшись ко мне своим ставшим в одну минуту детским лицом, он обнял меня и, вдавив меня телом в стену, закрыл мне рот поцелуем. Я

оттолкнула его. Теперь нас обоих душил смех. Его слезы высохли, он держался за живот и медленно, корча из себя раненого, сползал по стене.

– Хватит придуливаться! И вот еще что, хочу предупредить, что перенос твой не пройдет! Это только у Фрейда все как по маслу...

– Вы че тут дуркуете? – Рядом с нами выросли три одиозные фигуры: Поручик, которому принадлежала эта реплика, Лапоть и Сэм. – Поехали лучше – проветримся.

Троица поднялась по узкой лестнице, пройдя между нами. Сэм, шедший последним, оглянулся – двигаемся ли мы следом? В глазах его вспыхнул какой-то недобрый огонек.

– Пошли, – кивнул мне Никита, – покажем им класс.

Поручик уже оседлал выдавшую виды «Ямаху», Сэм пытался завести свою форсированную «Яву». С третьего или четвертого раза это ему удалось, и, дождавшись, пока Лапоть устроится на заднем сиденье, он лихо тронул с места.

Я уселась позади Никиты и, зная, как он стартует, обхватила его руками за талию. Вообще-то, для начинающего ездил он довольно неплохо, четко реагируя на маневры других водителей, хотя по-настоящему почувствовать машину можно, только имея определенный опыт.

Надев шлем, Никита нажал кнопку стартера, и мы двинули следом за Сэмом. «Ямаха» Поручика пристроилась сзади.

Благополучно миновав КП ГИБДД, «Ява» Сэма резко прибавила скорость. Был будний день, и трасса была относительно спокойной. Никита, прибавив газ, легко догнал двухгоршковый байк Сэма, но тот не торопился уступать нам дорогу, владея по своей полосе.

Мой подопечный попытался объехать его слева, но встречный «МАЗ» помешал ему.

– Все равно не уйдешь! – скорее почувствовала, чем услышала, я азартный голос Никиты.

– Не гарцуй! – крикнула я ему, перекрывая свист ветра и рев мотора, и похлопала его по плечу.

Он, кажется, не услышал меня, продолжая опасно маневрировать со свойственной юности бесшабашностью.

«Ямаха» Поручика догнала нас и пристроилась слева. Теперь мы неслись вперед рядом – большая красная «Ямаха» и маленький черный «Кавасаки». Поручик внимательно смотрел вперед, где, обгоняя транспорт, двигалась «Ява» с Сэмом и Лаптем. Поручик пропускал нас вперед, когда мы обгоняли очередное авто, и снова пристраивался слева, когда трасса оказывалась свободной.

Догнав нас в очередной раз, Поручик приблизился настолько, что Никите пришлось принять вправо, чтобы не столкнуться с ним. Он едва сумел выправить машину, чуть не выехав на обочину. Что-то подсказывало мне, что Поручик сделал это не случайно. С его опытом и водительским стажем он вполне бы смог сохранить безопасное расстояние.

– Тормози, – я уже требовательнее хлопнула Никиту по спине.

Где там! Он весь был в пылу азарта. Прибавив скорость, он почти повис на хвосте у «Явы», которая не давала себя обойти. Нос мне щекотали отработанные газы, вырывающиеся из ее горшков. Мне казалось, что протяни я руку – и смогу коснуться белой футболки Лаптя, пузырем трепетавшей у него на спине. Лапоть оглядывался и показывал Никите сжатую в кулак руку с выпрямленным вверх средним пальцем.

Вот ситуация! Эти Никитины дружки втянули его в опасное состязание. От этого может зависеть его жизнь! А тебя, Женя Охотникова, для того и наняли, чтобы оберегать ее. И неважно, как он погибнет (а если он не прекратит эту сумасшедшую гонку, то погибнет обязательно!): от ножа в подворотне или не справившись с управлением, – мне придется поставить жирный крест на своей карьере бодигарда и снова приняться за переводы. И это будет еще не самым худшим для меня вариантом. Надо что-то делать. Как-то остановить этих байкеров.

Очередной финт Поручика едва не кончился плачевно для нас: мотоцикл выскочил на обочину, выбрасывая из-под колес щебенку, и Никита чудом удержал его от падения. Заднее колесо, прямо над которым сидела я, чуть не сползло в кювет по скользкой траве. Даже представить трудно, что бы с нами тогда было!.. Я-то умею падать на любой скорости: не зря ведь меня учили почти пять лет – в том числе и этому, – а вот Никита простыми синяками и ушибами не отделался бы... Хорошо, что протектор «Кавасаки» достаточно глубок.

Я показала Поручику жестом, чтобы он убирался, но в ответ увидела лишь кривую усмешку. Ладно, дружок, придется тебя разжаловать в рядовые и отправить в дисбат – такое не прощается. Но, для начала, нужно прекратить эту убийственную гонку. Каким только образом? Никита тормозить явно не собирается, несмотря на мои неоднократные призывы. Попробовать дотянуться до ножного тормоза? Наверное, не самый лучший вариант. Что же тогда? Вывести Никиту на время из строя? Но «Кавасаки» окажется тогда неуправляемым.

Ага... кажется, придумала! Я дотянулась рукой до правого локтя Никиты и с силой надавила на хорошо мне известную точку. Его кисть разжалась, и «Кавасаки» резко сбросил скорость. Привстав с сиденья, я пригнула голову Никиты к бензобаку и, наклонившись вперед, перехватила правую рукоять руля. Затем, дотянувшись до левой ручки, отключила трансмиссию. Практически лежа на спине у Никиты, нажала на тормоз. «Кавасаки» вильнул и остановился. Никита успел расставить ноги и удержал машину от падения.

Сэм с Лаптем унеслись далеко вперед, Поручик же, наблюдавший за моим акробатическим трюком, остановил свою «Ямаху» рядом.

Если бы он извинился за свои выходки или промолчал, на худой конец, наверное, я бы не стала принимать никаких мер. В конце концов, жизнь моего подопечного вне опасности, платят-то мне за это. Но Поручик не стал извиняться. И не промолчал.

– Что, гонщики, – ухмыльнулся он, – обделались? Штанишки не запачкали?

– Погоди, – бросила я Никите и, оставив свой шлем, сделала два шага к Поручику, который презрительно смотрел на меня.

– Таким, как ты, нельзя доверять технику, даже такой металлолом, как твоя «Ямаха».

– Что ты сказала, телка? – Поручик стащил шлем с головы и встал передо мной – гора жира и мышц, упакованная в кожу.

– За телку – ответишь отдельно, – четко проговаривая каждое слово, произнесла я, – а пока я жду от тебя извинений за твои финты.

– Не, ты совсем рехнулась, корова!

Он сделал шаг ко мне, ухватил меня за жилетку и резко дернул на себя. Я не стала сопротивляться, лишь слегка изменила траекторию движения, чтобы не столкнуться с ним. Когда я скользила мимо Поручика, я как бы невзначай опустила деревянный каблук своего сапога на подъем его левой стопы, постаравшись вложить в удар как можно больше силы. Скажу вам по секрету: после такого удара, нанесенного правильно, человек не может нормально ходить недели три, а если не принять никаких ортопедических мер, то и месяц. Синяк от удара к концу второй недели поднимается чуть не до колена, меняя свой цвет день ото дня от бордово-фиолетового до желто-лимонного.

Никита, наблюдавший за мной, наверняка даже не заметил, почему это Поручик разжал свою волосатую клешню и вытаращил глаза. Это тебе за финты на трассе!.. Останавливаясь, я уперлась руками в теплый бензобак «Ямахи». Быстро вынув ключ из замка зажигания, оставленный водителем, я развернулась навстречу Поручику. Тот, преодолевая боль (первые несколько часов на ногу еще можно опираться), неся на меня с перекошенным от злобы ртом. Для таких случаев у меня припасен еще один удар – ребром стопы в мышцу немного выше колена нападающего... Собственно говоря, можно бить и по колену, и ниже – этот удар выводит конечность из строя тоже надолго.

Нога Поручика подкосилась, и он рухнул передо мной, словно из-под него неожиданно вытащили стул. Это – за «телку».

– Сволочь, – выдавил Поручик сквозь зубы, – я тебе этого не забуду!

– Да уж, не забудь, будь добр.

Склонившись над ним, я помотала у него перед носом брелоком с ключами от «Ямахи».

– Вот это тебе за «корову» и «сволочь».

Я пружинисто развернулась и швырнула связку метров на тридцать от дороги, по краям которой высился разносортный сорняк высотой почти в человеческий рост.

– Пока будешь ползать во ржи, подумай о своем поведении. Достоин ли ты носить высокое звание поручика? – Я подтолкнула Никиту к его «Кавасаки»: – Поехали!

В этот момент завизжала резина по асфальту, и возле нас тормознула сэмовская «Ява».

Лапоть соскочил с мотоцикла и бросился к своему вождю, безуспешно пытавшемуся подняться.

– Ты че, Поручик?

– Отмудохайте этих гадов, чтоб на всю жизнь запомнили, – Поручик, наконец, сумел принять сидячее положение.

Лапоть и присоединившийся к нему Сэм двинулись на нас. В руках у Сэма откуда-то появился арматурный прут.

– Езжайте домой, ребята, – я отстранила Никиту за спину.

Но он ринулся навстречу Сэму. Я едва успела схватить его за руку, кулаком второй он заехал Сэму в нос. Тот махнул арматуриной и, если бы не я, перебил бы моему подопечному руку.

– Не лезь, – я оттолкнула Никиту и, присев, крутанулась вокруг своей оси с выставленной параллельно земле ногой, подсекая нападавших.

Они, не успев ничего понять, рухнули на землю, загремев своими цепями и подвесками, словно мешки с запчастями. Лапоть остался лежать, потирая ушибленную при падении руку, а Сэм вскочил и, с широко расставленными ногами, размахивая арматурой, бросился на меня. Так ведь можно кого-нибудь поранить, дорогой мой! Я не стала искушать судьбу и, перехватив его руку с железякой, просто ударила его в пах подъемом ноги. Железка осталась у меня в руках, а Сэм с выпученными, как у рака, глазами начал мелко сучить ножками, зажав руками промежность.

– У тебя, Лопух, есть вопросы?

– Я – Лапоть... – отозвался Лапоть, не решаясь встать на ноги.

– Прости, Лапоть, – я обвела взглядом живописную троицу, расположившуюся на «пикник» на обочине. – Если вопросов ни у кого нет, тогда все внимание сюда. Особенно это касается тебя, Поручик.

Тишина, воцарившаяся после моих слов, нарушалась только шумом проносившихся мимо автомобилей.

– Если с моим другом, – я приобняла Никиту за плечи, – что-нибудь случится, первым делом я подумаю на вас – сначала на тебя, Поручик. А если я подумаю на вас, то презумпции невиновности у вас не будет, и вам придется доказывать мне, что вы не козлы. И если вы не сможете мне этого доказать, то мне придется применять против вас санкции, не буду сейчас рассказывать, что это за санкции, скажу только, что это очень неприятно, – я обвела аудиторию взглядом, – все понятно?

– Понятно... – ответил нестройный хор.

– Не слышу, Поручик!

– Понятно, – произнес Поручик, поглаживая стопу одной ноги и бедро другой.

– Вот и ладушки, – я надела шлем и снова обхватила Никиту за талию, – поехали, что ли?

Он оглянулся и посмотрел на меня. Его голубые глаза сияли восхищением.

– Погнали.

Глава 2

Интерьер дома Овчаренко воплощал самые смелые и передовые новации века стекла и металла: винтовая лестница, столы со стеклянными столешницами, диваны и кресла, напоминающие надувные подушки, абстрактная живопись на стенах, на окнах – жалюзи.

В углу холла томила диковинная деревянная статуя – обнаженный женский торс. На выкрашенном белой краской лице статуи широкими черными полосами был нарисован крест. Одну перекладину составляла горизонтальная полоса, соединяющая два глаза, другую – вертикальная, шедшая строго по центру от верхней части лба через нос – к подбородку.

Рядом с этой «гражданкой», как насмешливо именовал статую Никита, в ярко раскрашенной кадке сучала пальма... Камин был выдержан в строго геометрических пропорциях.

Бросив кожаную жилетку на спинку оранжево-синего кресла, Никита устало плюхнулся в него. Я последовала его примеру. Он картинно, по-ковбойски положил скрещенные ноги на журнальный столик и, глубоко вздохнув, завел обе руки за голову.

– Светлана Семеновна, – крикнул он в сторону кухни, – нам бы попить чего!

– Иду, иду, – мы услышали торопливые шаги, и вскоре на пороге холла выросла фигура домработницы.

Светлане Семеновне можно было дать лет сорок. Ее ничем не примечательное лицо славянского типа – широкое, скуластое – всегда улыбалось, излучая жизненную силу. Наивность придавала ему особое обаяние. Густые темные волосы были тщательно приглажены и собраны на затылке в пучок. В жестах Светланы Семеновны была та особая женственная плавность, которая позволяла предположить мягкость и уступчивость характера.

Я удивлялась: как эта спокойная, милая, доброжелательная женщина уживается с матерью Никиты – командиром в юбке? Но, с другой стороны, может быть, как раз покладистость и стоворчивость Светланы Семеновны глушила вспышки гнева и раздражения Людмилы Григорьевны, которая все время куда-то спешила и вечно в последнюю минуту не могла найти какой-нибудь срочно понадобившейся вещи.

Терпеливая забота и психология «непротивления злу насилием» помогли Светлане Семеновне завоевать также уважение беспокойного отпрыска. Уважение это, конечно, не было безоговорочным, оно всячески скрывалось, затушевывалось, а иногда и довольно злобно пародировалось, но чувствовалось, что на самом дне мятежной души Никиты таится искра любви и признательности по отношению к этой тихой, улыбчивой женщине.

Несмотря на зачастую провокационно-непристойные выходки и грубость моего подопечного, она питала к нему почти материнскую нежность.

Едва появившись у Овчаренко, я сразу же установила с ней добрые, доверительные отношения.

– Пожалуйста, – Светлана Семеновна поставила на столик поднос с двумя высокими стаканами и прозрачный запотевший графин с апельсиновым соком. – Юрий Анатольевич уезжает, – сообщила она.

– Папа дома? – Никита наполнил оба стакана и один подал мне.

– Наверху, вещи собирает.

На втором этаже открылась и закрылась дверь, и по ступеням начал спускаться Юрий Анатольевич с темно-синим матерчатым чемоданом средних размеров. Подойдя к нам, Овчаренко поставил чемодан рядом и опустился в кресло напротив нас, предварительно поздоровавшись со мной и сыном.

– Как дела? Надеюсь, без происшествий?

– Почти, – ответил Никита, хитро посмотрев на меня, – если не считать троих инвалидов.

– Никита, объясни, – Юрий Анатольевич провел обеими пятернями по копне русых с сединой волос и рассеянно уставился на сына.

– Это Поручик с друзьями, – Никита отпил полстакана сока, – решили меня прижать на трассе, но Женька их поставила на место, вернее, положила, – он звонко рассмеялся.

– Что за обращение, Никита! – Овчаренко сурово посмотрел на сына, потом перевел взгляд на меня. – Евгения Максимовна, вы думаете, это не серьезно?

– Думаю, это не те люди, которые вам угрожают.

Светлана Семеновна принесла еще один стакан и отправилась на кухню.

– Спасибо... Я должен уехать дня на три – отвезем с Борщевым болгарам деньги, оттуда заберем подписанный договор на строительство, дискеты с чертежами и – назад. Через неделю они уже начнут строительство, а к концу осени уже все будет завершено. Таких скоростей в Тарасове еще не знали!..

Глаза старшего Овчаренко горели неподдельным восторгом.

– И все это по моему проекту, – гордо добавил он.

– И много вы везете денег? – спросила я. – Вы простите мой профессиональный интерес.

– Здесь половина денег – за проектные работы и предоплата за строительство – всего триста девяносто тысяч долларов.

– Ого, – присвистнула я, – и вы едете без охраны?

– Ну какая там охрана, – пожал он плечами, – во-первых, как я уже сказал, мы едем вдвоем с нашим коммерческим директором, а во-вторых, об этом никто не знает.

– А почему бы вам не перечислить деньги через банк? – наивно поинтересовалась я.

– Ну что вы, – Овчаренко вытаращил на меня глаза, – этого делать категорически нельзя. Тогда придется показывать всю сумму и большая часть денег уйдет на налоги.

– Дело ваше, но, мне кажется, вы очень рискуете. Хотите, я буду вас сопровождать? Хотя бы до аэропорта?

– Нет, нет, – он посмотрел на часы, – сейчас приедет Борщев, и мы отправимся. Не впервой. А вы лучше присматривайте за этим оболтусом.

– Как хотите, – теперь настала моя очередь пожимать плечами.

Вот люди, возят с собой почти четыреста тысяч баксов – и совершенно не заботятся об охране!

– Юрий Анатольевич, вас звонками больше не беспокоили?

– Последний раз звонили позавчера, сказали, что это последнее предупреждение. Если мы не прекратим сотрудничать с болгарами, опять грозили похитить сына. Какие-то дурацкие шутки, ей-богу.

– Вот видите, – попыталась я образумить его, – а вы говорите, что никто ничего не знает.

– Нет, нет, – Овчаренко-старший снова провел руками по волосам, – деньги мне из рук в руки выдавал из сейфа президент корпорации, для которой мы ведем строительство, об этом никто не знает. А вот за Никитой вы уж присмотрите. Кстати, вот плата за следующую неделю, – он протянул мне конверт с деньгами.

– За Никиту не беспокойтесь, – ответила я, пряча конверт в один из многочисленных карманов жилетки, – если, конечно, он не будет выходить на улицу без меня.

– Никита, ты слышал, что говорит Евгения Максимовна? – Он постарался придать своему доброму лицу суровое выражение.

– Слышал, слышал, – вяло отозвался Никита, допивая апельсиновый сок, – привезешь мне что-нибудь?

В прихожей раздался настойчивый звонок.

– Ага, вот и Борщев, – Овчаренко поднялся, сделал несколько шагов к стене, куда был вмонтирован пульт и экран видеофона.

Даже не посмотрев на экран, он нажал кнопку открывания входной двери.

– Юрий Анатольевич, нельзя же так, вы бы хоть на экран взглянули, – я вскочила и спряталась за косяком двери, ведущей в гостиную, нащупав правой рукой шершавую рукоятку «макарова».

Дверь отворилась, и вошел черноволосый мужчина среднего роста в светлом легком костюме и темно-кофейной рубашке. Его подвижное, покрытое легким загаром лицо, пожалуй, можно было назвать красивым: большие карие глаза, тонкий нос с горбинкой, четко очерченные губы, волевой подбородок.

От него веяло какой-то животной силой, каким-то хищным обаянием самца. Мне показалось, что все дело во взгляде – одновременно настойчивом и уклончивом, точно его обладатель что-то выслеживал или прикидывал в уме. Страстная пронзительность этого взгляда, подумала я, должна безотказно действовать на женщин. Гладко зачесанные назад, блестящие волосы незнакомца открывали хороший лоб, который он, едва переступив порог, стал промокать вынутым из кармана брюк платком.

– Слава, привет, – Юрий Анатольевич протянул ему руку.

Я как ни в чем не бывало вышла из-за своего укрытия и снова устроилась в кресле. Я почувствовала, что Слава, как назвал его Юрий Анатольевич, проводил меня подозрительным взглядом.

– Познакомьтесь, это Евгения Максимовна... Вячеслав Михайлович, – представил нас Овчаренко.

Легкой пружинистой походкой Борщев (я поняла, что это именно он) подошел ко мне и, как бы поправляя свои и без того прилизанные волосы, коснулся их кончиками пальцев.

– Очень приятно, – улыбнулся он, – к сожалению, мы с Юрой должны идти.

– Не смею вас задерживать, – произнесла я.

Какая-то не то настороженность, не то растерянность засквозила в его томном взгляде.

Юрий Анатольевич попрощался с сыном, кивнул мне, подхватил свой чемодан и, жестом пригласив Борщева, вышел из комнаты. Вячеслав Михайлович у самой двери оглянулся и снова посмотрел на меня.

* * *

Весь следующий день Никита провел дома за мольбертом, поэтому у меня появилась возможность отдохнуть, посмотреть новые фильмы, сходить за романами для тетушки Милы, которая проглатывала детективную литературу с такой же легкостью и быстротой, как Робин Бобин – все съедобное и несъедобное.

На другой день – снова «Кавасаки», сумасшедшие гонки, «Тотем», безалкогольное пиво, – короче, ничего интересного. Вечером сдала Никитушку с рук на руки его мамочке.

Следующим вечером, в пятницу, моего подопечного потянуло на проспект... Там царило шумное веселье. Уже на подходе к тарасовскому Арбату можно было слышать слитный гул человеческих голосов, зыбкое эхо которых служило фоном для популярных мелодий и песенных шлягеров «живых» оркестров, развлекавших публику в многочисленных кафе.

Фланирующие по проспекту граждане с интересом и, как мне показалось, даже с завистью косились на удобно устроившихся за столиками отдыхающих. На террасах кафе под ритмичную, «заводную» музыку освещаемые бегущим разноцветьем огней кривлялись и тряслись в оголтелом танце подвыпившие парни и девицы. Некоторые из представительниц прекрасного пола смело вступали в вокальное соревнование с льющими из динамиков голосами эстрадных певцов и певиц.

Мы направлялись к пересечению Немецкой и Горького – месту тусовки формалов и неформалов всех регалий и званий.

– Вот бы промчаться здесь на «Кавасаки», – мечтательно произнес Никита, – то-то было бы шума и разговоров.

– Кто же тебе мешает? – иронично спросила я.

Он поморщился, словно съел полдюжины лимонов, и покосился на группу милиционеров, стоявших возле служебной «шестерки».

– Менты такую погоню организуют!.. – Он немного помолчал, потом добавил: – Ты не думай, я не боюсь... мотоцикл отберут – жалко.

– Да я не думаю.

– Жень, а Жень, у меня к тебе просьба есть, – Никита как-то по-детски засмутился, – мне нужно, чтобы ты хотя бы на полчаса оставила меня одного.

– Будь добр, выражайся, пожалуйста, яснее, – я остановилась и вопросительно посмотрела на него, уже зная, о чем пойдет речь.

Как оказалось, я не ошиблась.

– Ну ты же знаешь, Поручик сейчас не появляется у Консы... благодаря тебе, – Никита через силу выталкивал из себя слова, – я бы хотел покататься немного один... ну, то есть не один, конечно... с Никой...

– Я думаю, это можно будет устроить, – я улыбнулась, видя, какой надеждой загорелись его глаза.

– Правда?

– Конечно. Только при одном условии.

– Каком?

– Я вас буду сопровождать на другом байке.

– Я попрошу у Карла, он не откажет.

У Сергея Карлова – Карла – был старенький одноместный «Судзуки», не один раз разобранный до последнего винтика и любовно собранный вновь. Он, конечно, уступал в скорости Никитину «Зефиру», но я решила, что смогу не отпустить его далеко от себя, если ему вдруг в голову придет мысль поиграть со мной в догонялки.

– Идет, – согласилась я.

Только мы устроились в кафе, где музыка не так резала уши, как запиликал сотовый, предусмотрительно врученный мне Юрием Анатольевичем в тот день, когда я согласилась охранять его сына.

Звонила мама Никиты и просила меня срочно приехать к ним домой. Сегодня должен был вернуться Юрий Анатольевич, и сначала я подумала, что он хочет поскорее повидаться с сыном, но потом эта мысль оставила меня – уж слишком официальным был тон Людмилы Григорьевны.

– Пиво отменяется, твоя мама желает меня срочно видеть.

– Может быть, я... – начал было Никита.

Я отрицательно покачала головой.

– Ты – со мной, а я – с тобой. Погнали.

– Погнали, – уныло согласился Никита.

* * *

Возле дома на Провиантской стоял внушительных размеров «Додж» стального цвета, чем-то напоминавший дорогой элитный гроб. Кроме Людмилы Григорьевны, нас ждал еще один человек. Невысокий, плотный, круглолицый, с большими загорелыми залысинами, он поднялся навстречу мне из кресла. На нем был свободный дорогой костюм и шелковая сорочка без галстука.

– Дядя Коля! – обрадованно произнес Никита, пожимая ему руку.

– Привет, Ник, – он сжал Никиту в своих крепких объятиях и, кивнув мне, представился: – Овчаренко Николай Анатольевич, брат Юрия, Никитин дядя.

В его небольших умных глазах я прочла тревогу и озабоченность.

– Присаживайтесь, Евгения, – Людмила Григорьевна указала мне на кресло, – а ты, Ник, иди пока к себе, нам нужно поговорить.

– А где папа? – Он вопросительно посмотрел на мать, потом на дядю.

– Он задерживается, иди.

Людмила Григорьевна подождала, пока Никита уйдет, и голосом, в который вложила массу трагизма, произнесла:

– Мой муж пропал...

Я молчала, ожидая продолжения. Прошло, наверное, полминуты, прежде чем в разговор вступил Николай Анатольевич.

– Лучше я скажу, Людмила. – Овчаренко покрутил массивный золотой перстень с черным камнем на безымянном пальце правой руки и в упор посмотрел на меня. – Три дня назад Юра уехал в Болгарию, сегодня он собирался вернуться. Самолет, которым он должен был прилететь, приземлился в аэропорту Тарасова, – он взглянул на золотой «Роллекс» на своем запястье, – почти пять часов назад.

Я молча достала сигарету. Заметив это, Николай Анатольевич вынул из кармана пиджака зажигалку «Ронсон» в золоченом корпусе с ажурной монограммой и, откинув крышку, крутанул колесико.

Богатенький дядечка у Никиты!.. Сделав пару затяжек и видя, что мои собеседники молчат, я решила кое-что выяснить.

– Не понимаю, для чего вы мне это все рассказываете?

– Как для чего? – взвился Николай Анатольевич. – Я хочу, чтобы вы отыскиали моего брата.

– Я бы с удовольствием помогла вам, – произнесла я, – но дело в том, что у меня заключен контракт с вашим братом на охрану вашего племянника, и пока он действует...

– Я аннулирую этот контракт. – Людмила Григорьевна тоже достала сигарету, но ей пришлось воспользоваться своей зажигалкой, так как ее родственник или не заметил ее движений, или просто не захотел проявить любезность по отношению к ней.

– Погоди, Людмила, – осадил ее дядя Никиты, – поиски своего брата я намерен оплачивать сам. Может быть, Евгения Максимовна сочтет возможным совместить эти два дела.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Что вы на это скажете?

– Сначала я должна узнать как можно больше подробностей, а уж потом решать.

– Я же сказал, мой брат пропал, и я хочу, чтобы вы его нашли!

– А если его нет в живых?

– Вы не исключаете и такой вариант?

– Насколько я знаю, у вашего брата с собой была крупная сумма денег.

– Да, вы правы, – Николай Анатольевич задумался, – тогда я хочу, чтобы вы нашли его убийцу... или убийц.

– Почему бы вам не обратиться в милицию? – Я стряхнула пепел с сигареты и окинула взглядом моих собеседников. – Там для этого имеется больше возможностей.

– Возможности-то у них есть, но не всегда они ими пользуются, короче, – взгляд Николая Анатольевича стал жестким, – вы согласны?

– Если Никита не будет меня обременять целыми днями.

– Он будет выходить из дома не больше чем на два-три часа в день, – снова вступила Людмила Григорьевна.

– Значит, договорились, – удовлетворенно произнес Николай Анатольевич.

Он достал из внутреннего кармана пиджака приличную пачку долларов, отсчитал десять стодолларовых купюр и положил на стеклянную поверхность стола передо мной. Остальные небрежно спрятал назад.

– Ваши ставки я знаю, это аванс за пять дней. Если Юра найдется раньше, можете оставить остальные деньги себе.

Овчаренко поднялся с кресла.

– К сожалению, я должен идти – дела, – он развел руками.

– Погодите, – попыталась я остановить его, – вы же мне не дали никакой информации!

– Людмила знает все лучше меня, – он достал из нагрудного кармана визитную карточку и положил поверх стопки долларов.

– Но...

– До встречи. Звоните, если что.

Глава 3

Я загасила сигарету и посмотрела на мать Никиты.

– Ну что ж, начнем?

– Что вас интересует? – как-то устало спросила она, закинув ногу на ногу.

Наверное, перенервничала.

– Вы давно работаете с болгарами?

– Около года.

– До этого вы сотрудничали с тарасовскими фирмами?

– Да.

– С какими?

– В основном с «Арх-Модерном»... ну, и с несколькими другими, помельче.

– В чем заключалось ваше сотрудничество?

– Это довольно специфическая сторона дела, – Людмила Григорьевна закурила новую сигарету, – не знаю, поймете ли вы?

– Я попробую.

– Мы выступали в качестве генподрядчика в проектировании и строительстве, так сказать, эксклюзивных объектов. Последним нашим заказом было строительство международного центра торговли в центре города. Знаете, где раньше был кинотеатр «Заря»?

Я утвердительно кивнула и тоже закурила.

– Светлана Семеновна, – требовательно и слегка раздраженно крикнула она в сторону кухни, – кофе, пожалуйста. – Так вот, – продолжила она, – проектирование – это довольно хлопотное дело. Нужно сделать эскизы, проектное предложение, добиться отвода земли, провести массу согласований... Это отнимает очень много сил.

Она устало склонила голову, словно демонстрируя, сколько сил у нее это отняло.

– Потом нужно найти исполнителя проекта, сделать архитектурную часть, строительную, снова десятки согласований с энергетиками, водоканалом, теплосетями, пожарниками и так далее. Только после этого можно приступить непосредственно к строительству.

В дверях замаячил белый передник домработницы, несущей серебряный поднос с кофейником, двумя чашками из темного французского стекла, сахарницей, вазочкой с конфетами и маленьким молочником. Поставив поднос на стол, Светлана Семеновна хотела уже так же плавно и бесшумно удалиться, как вошла, но властный голос моей собеседницы заставил ее остановиться.

– А что же ты коньяку нам не предложишь? Или забыла, что я пью кофе только с «Реми Мартеном»?

Ответом на эту реплику было виноватое молчание, а затем поспешные шаги в сторону бара. Через минуту на столе выросла шикарная темная бутылка едва ли не самого дорогого французского коньяка.

– Иди, я сама налью, – Людмила Григорьевна сделала пренебрежительный жест и принялась отвинчивать пробку.

Плеснув себе в чашку, по моим подсчетам, не меньше пятидесяти граммов, она подняла на меня свои пронзительно-синие глаза.

– Хотите?

Я неопределенно пожала плечами. Надо же, аристократка, – несмотря ни на что, строго следует своим дорогим привычкам! Пусть хоть весь мир пропадет пропадом, она не откажет себе в такой малости, как кофе с коньяком. Что это: самообладание, равнодушие или стремление наперекор любым неблагоприятным обстоятельствам до конца играть роль дамы из высшего общества?

– Не понимаю, разве могут иностранцы сделать все то, о чем вы говорили, лучше, чем наши? – как ни в чем не бывало вернулась я к прерванному разговору.

– Я вас предупреждала, что все это не так просто, – Людмила Григорьевна прошлась кончиками пальцев по своим платиновым волосам, будто стряхивая с головы навалившуюся усталость. – Во-первых, наши делают только проектные работы, строителей приходится снова искать нам; во-вторых, болгары делают проект раза в три-четыре быстрее, поскольку используют новейшие компьютерные технологии, мы им даем только эскизы, но в архитектуре это самое главное; и потом, болгары не только проектируют, но и сами же будут строить, а их качество строительства ценится как одно из лучших в Европе.

– Но, наверное, проектирование и строительство в таком случае обходятся дороже?

– Не намного. А если учесть, что вместо трех лет весь процесс от начала проектирования до окончания строительства занимает шесть-восемь месяцев, – выгода налицо.

– Хорошо, – кивнула я, – с этим как бы разобрались. Теперь вернемся к вашему мужу. Он ведь уехал в Болгарию не один?

– Да, его сопровождал наш коммерческий директор.

– Он тоже не вернулся?

– Нет, – она сделала приличный глоток из чашки и сменила ногу.

– Людмила Григорьевна, а не могли они с этими деньгами плюнуть на всю эту архитектуру и остаться в Болгарии или еще где подальше?

– Сейчас ни в чем нельзя быть уверенной! – она сделала трагическое лицо и откинулась на мягкую спинку кресла.

– Вы хотя бы звонили в Болгарию? – поинтересовалась я, в свою очередь отпив ароматного кофе.

– Звонила, – она всхлипнула, но глаза ее остались сухими.

Завидное самообладание у Никитиной мамы!

– Деньги они получили? – Я с напряжением склонилась к столу.

– Нет.

– Вот вам и ответ.

– Вы считаете, что Юра меня бросил? – Она посмотрела на меня наивными глазами.

Я не понимала, что меня в ней настораживало. Вроде бы реакция на мои вопросы у нее адекватная, может быть, немного замедленная. Она в меру взволнованна для человека со здоровой психикой. Как бы все правильно, но что-то мне в ней не нравилось.

– Может быть, они вообще не приезжали в Болгарию? – предположила я.

– Приезжали.

– Вот как? – Я подняла брови. – Почему же они не передали деньги?

– Они забрали подписанный договор, дискеты с проектом, а деньги обещали привезти через неделю.

– И им поверили?

Людмила Григорьевна пожала плечами.

– Это уже второй проект, который они для нас выполняют. С первым все прошло более-менее гладко. И потом, они же должны скоро начать строительство. Господи! – вдруг словно опомнилась она. – Меня же здесь просто прибудут за такие бабки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.